

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большее двух столетий назад в немецком городке Ханау появились на свет два брата: Якоб в январе 1785 года и Вильгельм в феврале 1786-го. Испытания судьбы на их долю выпали рано: когда им было по 10 и 11 лет, умер их отец Якоб Гримм, оставив Доротею, их мать, с девятью детьми. Бремя заботы о семье легло на плечи братьев. Но несмотря на то, что их жизнь была полна трудностей, братья находили время для учебы. После лицейя они поступили в Марбургский университет, где Якоб изучал право, а Вильгельм — литературу. Именно там зародилась их страсть к немецкому фольклору. В 1830 году Якоб стал профессором немецкой литературы и главным библиотекарем в Гёттингенском университете, Вильгельм же через пять лет тоже стал профессором. Позже они оба преподавали в Берлинском университете и были членами Берлинской Академии наук.

После университета, в 1808 году, братья переехали в Кассель. Там они начали свой знаменитый проект — сбор народных сказок. Они начали записывать сказки во время своих поездок по Гессену и Вестфалии. Одна из первых сказок, которую Вильгельм записал, была «Приемыш Богоматери». Ее рассказала дочь аптекаря из Касселя Маргарета Вильд. Другие сказки рассказали ее сестра и мать. Среди них были такие знаменитые произведения, как «Гензель и Гретель», «Госпожа Метелица» и «Столик-накройся».

В первом томе их сборника сказок, выпущенном в 1812 году, братья Гримм указали источники только для 12 сказок, это были произведения XVI–XIX веков. Во втором томе они уже делали пометки о том, откуда именно взяты произведения: упоминались Гессен, Кассель, Ханау и Майнц.

Среди людей, помогавших им со сбором материала для первого тома, братья особо отмечали вклад пастуха с Брунсберга возле Хёкстера и старого драгунского вахмистра Краузе из Гофы под Касселем. Рассказчики делились своими историями

в обмен на старую одежду. Сказками делились и некая «старая Мария», и юная сказительница-голландка, и дочь трактирщика, и баронская семья фон Гакстгаузен, и сын пастора Фердинанд Зиберт, и многие другие.

Таким образом, братья Гримм собирали материал для своих сказок, встречаясь с разными людьми и собирая их рассказы из разных уголков Германии. Они слушали старинные рассказы стариков и старушек, у которых каждая сказка была как ключ к давно забытым временам. Записывали притчи, которые слышали от крестьян, отшельников и странствующих торговцев. Братьям приходилось совершать долгие путешествия, преодолевать преграды языка и диалектов, а иногда и суеверий местных жителей, которые не всегда были готовы делиться своими секретами. Но страсть к сохранению народного наследия и истинная увлеченность делом помогали им преодолевать все трудности.

Со временем, когда собранные сказки были систематизированы и обработаны, они обрели новую жизнь в виде сборника «Детские и домашние сказки». Эта книга стала не только свидетельством глубокого уважения братьев к своему народу, но и мостом, соединившим прошлое с будущим, позволившим немецким сказаниям прозвучать в сердцах людей разных поколений и культур. Так, благодаря труду и преданности братьев Гримм, многие сказки, которые могли бы быть забыты, были сохранены и переданы будущим поколениям, наполняя их воображение чудесами и мудростью старины.

Особое значение имеет символика образов в сказках братьев Гримм — это уникальное полотно, на котором отражены глубокие уроки и универсальные истины. Вот некоторые из наиболее ярких символов, которые часто встречаются в их сказках.

Лес. Лес часто появляется в сказках Гримм как место испытаний и трансформации. Это символ неизведанного, таинственного и иногда опасного. В лесу персонажи сталкиваются с вызовами, которые помогают им расти и развиваться. Например, в «Гензеле и Гретель» лес становится местом, где брат и сестра учатся преодолевать страх и находить пути к спасению.

Змея. В сказках змея часто является символом хитрости, мудрости, а иногда и зла. В некоторых культурах змея также символизирует возрождение и исцеление, так как она сбрасывает кожу и «возрождается» вновь.

Животные. Животные в сказках Гримм часто служат символами человеческих качеств или социальных архетипов. Например, лисица обычно олицетворяет хитрость, медведь —

силу, а волк — хищничество и жестокость. Животные могут быть как помощниками героев, так и их противниками.

Яблоко. Яблоко часто появляется как символ знания, искушения и порой разрушительного влияния. Например, в сказке «Белоснежка» яблоко становится инструментом злой мачехи, стремящейся уничтожить свою падчерицу.

Огонь и вода. Эти элементы часто символизируют очищение и перерождение. Огонь может быть как разрушительным, так и очищающим элементом, в то время как вода часто ассоциируется с жизнью, исцелением и преображением.

Зеркало. В сказках зеркало часто используется для отражения истины или внутренней сущности персонажа. В «Белоснежке» зеркало отражает настоящую красоту и зависть.

Эти символы и образы в сказках братьев Grimm не просто украшают рассказ, но и несут глубокий смысл, отражая вечные человеческие ценности, страхи, надежды и мечты. Они способствуют многогранному восприятию историй, делая их актуальными для читателей всех возрастов.

Вообще, специфика немецкого фольклора, подобно пестрому ковру, соткана из многочисленных сюжетов и образов, отражающих дух и культуру народа. При его изучении мы можем придать больше жизни народным рассказам и легендам, обращая внимание на их характерные черты и глубокий смысл.

Соединение природы и мистики. В немецком фольклоре леса, горы, реки и другие природные элементы не просто фон для событий; они живы, населены духами, эльфами и другими мифическими существами. Легенды о Рейне, например, изобилуют рассказами о русалках и водяных.

Героические саги и эпосы. Немецкий фольклор богат героическими сказаниями, как, например, «Песнь о Нибелунгах», где раскрываются темы чести, предательства, любви и мести. Эти рассказы часто содержат сложные перипетии судьбы и глубокие моральные дилеммы.

Домовые и лесные духи. Во многих сказках и легендах встречаются домовые и лесные духи, которые могут быть как благожелательными, так и коварными. Они часто служат испытанием для главных героев, проверяя их ум, доброту или честность.

Ведьмы и колдуны. Образы ведьм и колдунов занимают важное место в немецком фольклоре. Они обладают магическими способностями и часто выступают в роли антагонистов, как, например, в сказке «Гензель и Гретель».

Образы животных. Животные часто обладают человеческими чертами и мудростью. Они могут быть помощниками

героев, как верный волк в сказке «Братья и сестры», или же их противниками, как хитрая лисица.

Мотивы преобразования и путешествия. Персонажи часто проходят через преобразования или отправляются в далекие странствия. Эти мотивы символизируют внутренний рост и развитие, поиск себя и своего места в мире.

Немецкий фольклор — это не просто собрание рассказов и сказок, это глубокий и многогранный мир, где переплетаются история, культура и духовные поиски народа. Он отражает богатство воображения, мудрость и творческий потенциал, который живет в каждом из нас.

В 1859 году Вильгельм скончался от сепсиса и паралича легких, а Якоб умер от кровоизлияния в мозг всего через четыре года. Оба брата похоронены на берлинском кладбище Святого Матфея.

Жизнь и творчество легендарных сказочников стали примером братской любви и преданности, показав, как литература способна соединять историю, мифологию и духовные поиски. Сказки братьев Гримм остаются вечным наследием, наполненным простотой, мудростью и воображением, вдохновляющим всех, кто их читает.

ДИТЯ МАРИИ

На опушке большого леса жил дровосек со своею женой, и было у них единственное дитя — трехлетняя девочка. Были они так бедны, что даже без хлеба насущного сживали и не знали, чем прокормить ребенка.

Однажды поутру дровосек, подавленный своими заботами, отправился на работу в лес. Стал он там рубить дрова, как вдруг появилась перед ним прекрасная высокая женщина с венцом из ярких звезд на голове и сказала: «Я — Дева Мария, мать младенца Христа. Ты беден, обременен нуждою. Принеси мне свое дитя: я возьму его с собою, буду ему матерью и стану о нем заботиться».

Послушался ее дровосек, принес дитя свое и вручил его Деве Марии, которая и взяла его с собой на небо.

Хорошо там зажило дитя: ело пряники сахарные, пило сладкое молоко, в золотые одежды одевалось, и ангелы играли с ним.

Когда же девочке исполнилось четырнадцать лет, позвала ее однажды к себе Дева Мария и сказала: «Милое дитя, предстоит мне путь неблизкий; так вот, возьми ты на хранение ключи от тринадцати дверей Царства небесного. Двенадцать дверей можешь отпирать и осматривать все великолепие, но тринадцатую дверь, что вот этим маленьким ключиком отпирается, запрещаю тебе отпирать! Не отпирай ее, не то будешь несчастною!»

Девочка обещала быть послушною, и затем, когда Дева Мария удалилась, она начала осматривать обители небесного Царства.

Каждый день отпирала она по одной двери, пока не обошла все двенадцать обителей. В каждой сидел апостол в великом сиянии — и девочка радовалась всей этой пышности и великолепию, и ангелы, всюду ее сопровождавшие, радовались вместе с нею.

И вот осталась замкнутою только одна запретная дверь; а девочке очень хотелось узнать, что за нею скрыто, и она

сказала ангелам: «Совсем отворять я ее не стану и входить туда не буду, а лишь приотворю настолько, чтобы мы хоть в щелочку могли что-нибудь увидеть». — «Ах, нет! — отвечали ангелы. — Это был бы грех: Дева Мария запретила, это может грозить нам великим несчастьем».

Тогда она замолчала, да желание-то в сердце ее не замолкло, а грызло и побуждало ее, и не давало ей покоя.

И вот однажды, когда все ангелы отлучились, она подумала: «Я одна-одинешенька теперь и могла бы туда заглянуть: никто ведь об этом не узнает».

Отыскала она ключ, взяла его в руку, вложила в замочную скважину, а вставив, повернула. Мигом распахнулась дверь — и увидела она там Пресвятую Троицу, восседающую в пламени и блеске. Мгновение простояла девочка в изумлении, а затем слегка дотронулась пальцем до этого сияния — и палец ее стал совсем золотым.

Тут ее охватил сильный страх, она быстро захлопнула дверь и убежала.

Но что ни делала она, как ни металась — не проходил ее страх, сердце все продолжало биться и не могло успокоиться; да и золото не сходило с пальца, как она ни мыла и ни терла его.

Вскоре вернулась Дева Мария из своего путешествия, позвала к себе девочку и потребовала обратно ключи от неба.

Когда девочка подавала связку, взглянула ей Приснодева в глаза и спросила: «Не отпирала ли ты и тринадцатую дверь?» — «Нет».

Тогда возложила ей Владычица руку свою на сердце, почувствовала, как оно бьется, и увидела, что запрещение было нарушено и дверь была отперта.

В другой раз спросила Царица Небесная: «Вправду ль ты этого не делала?» — «Нет», — отвечала вторично девочка.

Тогда взглянула Приснодева на палец ее, позлащенный от прикосновения к небесному пламени, ясно увидела, что девочка согрешила, и спросила ее в третий раз: «Ты точно не делала этого?» И в третий раз отвечала девочка: «Нет».

Тогда сказала Дева Мария: «Ты ослушалась меня да вдобавок еще солгала, а потому недостойна больше оставаться на небе!»

И девочка погрузилась в глубокий сон, а когда проснулась, то лежала внизу, на земле, в пустынной глуши. Она хотела позвать на помощь, но не могла произнести ни звука. Вскочила она и хотела бежать, но в какую сторону ни поворачивалась,

езде перед ней возникал стоявший стеною густой терновник, через который она не могла пробраться.

В этой глуши, где она оказалась как бы в плену, стояло старое дуплистое дерево: оно должно было служить ей жилищем. Вползала она туда и спала в дупле, когда наступала ночь; там же в дождь и грозу находила она себе приют.

Но это была жалкая жизнь — горько плакала девочка, вспоминая о том, как ей хорошо было на небе и как с нею играли ангелы.

Единственной пищей служили ей коренья и лесные ягоды. Осенью собирала она опавшие орехи и листья и относила

их в свое дупло: орехами питалась зимой, а когда все кругом покрывалось снегом и льдом, она заползала, как жалкий зверек, во все эти листья, чтобы укрыться от холода.

Одежда ее скоро изорвалась и лохмотьями свалилась с ее тела. Когда же солнышко снова начинало пригревать, она выходила из своего убежища и садилась под деревом, прикрытая своими длинными волосами, словно плащом.

Так прозябала она год за годом, испытывая бедствия и страдания земного существования.

Однажды, когда деревья снова нарядились в свежую зелень, король той страны, охотясь в лесу, преследовал дикую козу, и так как она убежала в кусты, окаймлявшие прогалину со старым деревом, он сошел с коня и мечом прорубил себе путь в зарослях.

Пробившись наконец сквозь эти дебри, он увидел дивно прекрасную девушку, сидевшую под деревом и с головы до пят покрытую волнами своих золотистых волос.

Он остановился, безмолвно, с изумлением вглядываясь в нее, а затем спросил: «Кто ты такая и зачем сидишь ты здесь, в пустыне?»

Она ничего не ответила, потому что уст не могла открыть. Король продолжал: «Хочешь ли ты идти со мной, в мой замок?» На это она ответила только легким кивком головы.

Тогда взял ее король на руки, донес до своего коня и поехал с нею домой, а когда прибыл в свой королевский дворец, приказал облечь ее в пышные одежды и всем наделил ее в изобилии. И хоть она говорить не могла, но была так пленительно прекрасна, что король полюбил ее всем сердцем и немного спустя женился на ней.

Минуло около года, и королева родила сына. И вот ночью, как она лежала одна в постели, явилась ей Дева Мария и сказала: «Если ты мне всю правду скажешь и повинишься в том, что отворяла запретную дверь, то я открою уста твои и возвращу тебе дар слова; если же ты в грехе своем станешь упорствовать и настойчиво отрицать свою вину, я возьму у тебя твоего новорожденного ребенка».

Королева получила возможность сказать правду, но она упорствовала и опять сказала: «Нет, я не отпирала запретной двери». Тогда Пресвятая Дева взяла из рук ее новорожденного младенца и скрылась с ним.

Наутро, когда ребенка нигде не могли найти, поднялся ропот в народе: «Королева-де людоедка, родное дитя извела». Она все слышала, да ничего возразить против этого не могла; король же не хотел этому верить, потому что крепко любил ее.

Через год еще сын родился у королевы, и опять ночью вошла к ней Пресвятая Дева и сказала: «Согласна ль ты покаяться в том, что отпирала запретную дверь? Признаешься — так я тебе первенца твоего отдам и возвращу дар слова; если же будешь упорствовать в грехе и отрицать вину свою — отниму у тебя и этого новорожденного младенца». Снова отвечала королева: «Нет, не отпирала я запретной двери». И взяла Владычица из рук ее дитя, и вознеслась с ним на небеса. Наутро, когда вновь оказалось, что и это дитя исчезло, народ уже открыто говорил, что королева сожрала его, и королевские советники потребовали суда над нею.

Но король так ее любил, что все не хотел верить обвинению и повелел своим советникам под страхом смертной казни, чтобы они об этом и заикаться не смели.

На следующий год родила королева прехорошенькую девочку — и в третий раз явилась ей ночью Пресвятая Дева Мария и сказала: «Следуй за мною!»

Взяла Владычица королеву за руку, повела на небо и показала ей там обоих ее старших детей: они встретили ее веселым смехом, играя державным яблоком Святой Девы.

Возрадовалась королева, глядя на них, а Пресвятая Дева сказала: «Ужели до сих пор не смягчилось твое сердце? Если ты признаешься, что отпирала запретную дверь, я возвращу тебе обоих твоих сыночков».

Но королева в третий раз отвечала: «Нет, не отпирала я запретной двери».

Тогда Владычица снова опустила ее на землю и отняла у нее и третье дитя.

Когда на следующее утро разнеслась весть об исчезновении новорожденной королевны, народ громко завопил: «Королева — людоедка! Ее следует казнить!» И король уже не мог более противиться своим советникам.

Нарядили над королевою суд, а так как она не могла ни слова в защиту свою вымолвить, то присудили ее к сожжению на костре.

Навалили дров и, когда вокруг королевы, крепко привязанной к столбу, со всех сторон стало подыматься пламя, растаял твердый лед ее гордыни, и раскаянье наполнило ее сердце.

Она подумала: «О, если б я могла хоть перед смертью покаяться в том, что отворяла дверь!» Тогда вернулся к ней голос, и она громко воскликнула: «Да, Пресвятая Мария, я совершила это!»

И в тот же миг полился дождь с небес и потушил пламя; ослепительный свет осиял осужденную, и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденною дочерью на руках и обоими сыночками по сторонам.

И сказала ей Владычица ласково: «Кто сознается и раскаивается в своем грехе, тому грех прощается!»

Отдала ей Приснодева всех троих детей, возвратила дар слова и осчастливила ее на всю жизнь.

СКАЗКА О ТОМ, КТО ХОДИЛ СТРАХУ УЧИТЬСЯ

Один отец жил с двумя сыновьями. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог.

Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!»

Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и когда его отец за чем-нибудь посылал позднее порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах, нет, батюшка, не пойду я туда! Уж очень боязно мне».

Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирает, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило: «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться. Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю».

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка, ты, там, в углу! Ты растешь и силы набираешься: надо ж и тебе научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы добывать себе хлеб насущный. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром хлебом кормить приходится». — «Эх, батюшка! — отвечал тот. — Очень бы хотел я научиться чему-нибудь. Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться».

Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Ничего путного из него не выйдет. Кто хочет крючком быть, тот заранее спину гни!»

Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь».